

Л. ГРЕБНЕВ,
кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИЭ РАН

ПРЕДМЕТНЫЙ МИР ЭКОНОМИСТОВ: МЕЖДУ ЧУВСТВЕННЫМ И СВЕРХЧУВСТВЕННЫМ

Двойственность предметного мира в хозяйственной жизни была замечена уже первыми исследователями рыночной экономики и стала предметом забот многих последующих поколений ученых. Не решена проблема и по сей день, хотя теперь это вроде бы мало кого беспокоит. Может быть, напрасно.

Первоначально двойственность в экономике виделась как совмещение у одной и той же вещи — товара — свойств двоякого рода: потребительной ценности и меновой ценности (стоимости)¹. Эта двойственность — эмпирически наблюдаемый феномен, впервые замеченный уже много веков назад. И если с потребительной ценностью все выглядело достаточно просто — она определяется конкретными, чувственно воспринимаемыми параметрами вещи и их соответствием потребностям конкретного же пользователя, то с меновой ценностью дело обстояло сложнее. Ясно было, что меновая ценность (стоимость) вещи в какой-то мере зависит от ее чувственно воспринимаемых параметров, но столь же ясно было, что она зависит не только от них, а от чего-то еще, чувственно не воспринимаемого. Но чего? Классики экономической теории предположили, что от труда, затрачиваемого на производство обмениваемых вещей.

Продолжая эту традицию, К. Маркс ввел двойственность и в понимание труда, различив конкретный и абстрактный труд, который и был объявлен субстанцией ценности (стоимости), проявляемой в пропорциях обмена, меновых ценностях (стоимостях). Таким образом, двойственность предметного мира хозяйства была «сведена» к двойственности процессов его создания. Далеко не всех ученых такое решение проблемы удовлетворило. Во-первых, двойственность не исчезла; во-вторых, она стала еще менее понятной. Если меновые пропорции — величина наблюдаемая, хотя и трудно объяснимая, то абстрактный труд — типичная «вещь в себе», что-то принципиально не наблюдаемое, сверхчувственное и к тому же оторванное от потребительских качеств вещей, которые хоть как-то влияют на пропорции обмена.

Австрийская школа заменила абстрактный труд в качестве субстанции ценности абстрактной же полезностью и предложила довольно стройную теорию ценности (стоимости), основанную на понятии предельной полезности (полезности предельного продукта, его последней используемой единицы). Не наблюдаемость абстрактной полезности, равно как и нерешенность проблемы соизмерения полезностей различных индивидов, привели к вытеснению кардиналистской полезности австрийцев неоклассической ординалистской полезностью, производной от предпочтений индивидов при сравнении различных наборов благ.

Казалось бы, проблема двойственности в экономике решена. С понятием субстанции покончено, а сверхчувственные свойства элиминированы из мира благ и «запаяны» в предпочтения суверенных субъектов.

Однако это не так. Во-первых, суверенитет потребителя — это постулат, отражающий не столько реальности экономической жизни, сколько фундаментальные религиозные ценности западной цивилизации (богоподобие каждого отдельно взятого индивида, относящегося к внешним предметам как к утилитарным, инструментальным ценностям).

Во-вторых, функция полезности — это только удобный прием описания пред-

---

¹ Немецкий термин «Wert» не имеет однозначного перевода на русский язык. Для владельца продаваемого товара сам товар представляет меновую ценность (то есть товар ценен тем, что за него можно получить), а остальные товары — меновые стоимости (то есть, чего стоит их получение).

почтений, то есть нечто не существующее в реальности, сверхчувственное. А поскольку поведение потребителя описывается задачей нахождения максимума целевой функции при бюджетном ограничении, то сохранилась и двойственность, теперь уже как математическое свойство, столь же эфемерное, как и целевая функция.

К тому же столь последовательная с виду ординалистская концепция поведения потребителя во многом опирается на трудно совместимые предположения. С одной стороны, на предположение о равенстве нулю издержек процесса выбора и вообще процесса обращения (транзакционных издержек), с другой стороны — на существование бюджетного (денежного) ограничения выбора потребителя, а деньги — естественное порождение именно неравенства нулю таких издержек, средство их сокращения. Об этом еще раз напомнил Р. Коуз в своей Нобелевской лекции (1991г.)².

Возможно, настойчивость, с которой многие поколения ученых стремились элиминировать сверхчувственную предметность из экономической теории, связана не столько со стремлением точнее отразить реальность, сколько с западной ментальностью вообще и Нового времени в особенности.

Выше отмечалась исходная индивидуалистичность этой ментальности, заявленная уже на первой странице Ветхого Завета³, развитая в десяти заповедях, среди которых нет ни одной, относящейся к обществу, коллективу, общине, и завершенная новозаветным дистанцированием от государства: «Кесарю — кесарево». Довольно естественным образом эта освященная и взращенная религией индивидуалистичность трансформируется в атеизм, отвращение от сверхчувственной предметности вообще. Для полукочевых племен, завоевавших Рим, переход к оседлой жизни осуществлялся уже при христианстве. Религиозная община совпадала с соседской мирской. Велико было переплетение религиозной и хозяйственной сторон жизни и на более высоких ступенях организации общества. По мере развития индивидуального начала в хозяйствовании, поддерживаемого духом этой религии, его высвобождение из тесных уз коллективных, общественных связей неизбежно принимало форму освобождения (частичного или полного) от буквы религиозных предписаний, перехода к религии человеко-божества, скептическому отношению ко всему, чего нельзя проверить «на ощупь», к сверхчувственному. Следование этой мировоззренческой линии позволило, например, Ф. Хайеку оценить религиозные убеждения людей как полезную фикцию⁴.

Как фикция, но только вредная, трактуется при этом общество, не сводимое к сумме сосуществующих индивидов, самостоятельное по отношению к ним⁵. Если эта фикция где-то и реализована, то в эволюционном соревновании с рыночным хозяйством такое общество обречено на отставание и, в конечном счете, — на исчезновение.

Как известно, статичность является ахиллесовой пятой «основного течения». По-видимому, исключение из рассмотрения в экономической теории общества в целом, поскольку это «метафизический агент», ограничение круга субъектов «реальными агентами» уже само по себе предопределяют высокую степень статичности возможных

---

² В этой же лекции он отметил, что только одна из двух его знаменитых идей вошла в «основное течение» теории, а именно — идея оптимального распределения прав собственности, основанная на стандартном предположении о равенстве нулю транзакционных издержек. Другая идея, впервые сформулированная еще в 1932 г., о значимости транзакционных издержек для распределения предпринимательской активности между внутрифирменной и рыночной сферами, так и не вошла в «основное течение» (Coase R The Institutional Structure of Production. The American Economic Review. September 1992. Vol. 82, N 4, P.718).

³ Первая книга Моисеева. Бытие, 1, 26—28.

⁴ «Возможно, то, что люди подразумевают, говоря о Боге, является всего лишь персонификацией тех традиционных моральных норм и ценностей, что поддерживают жизнь их сообщества... «Для общества важно не то, как думают, а то, как себя ведут; и коль скоро поступки наши добры и справедливы, для ближнего не имеет ни малейшего значения: ошибочны наши взгляды или нет» (Фрезер)» (Хаек Ф. Пагубная самонадеянность. М.: Новости, 1992, С.239, 267).

⁵ См., например, Поппер К. Нищета историцизма. — Вопросы философии. 1992, № 8—10.

формальных построений. Ведь каждое физическое лицо, индивид имеет заведомо конечный срок существования, узкие границы возможных изменений, динамики. «Никогда не получит гармоничного примирения основное противоречие человеческой жизни — противоречие между беспредельностью стремлений нашего духа и ограниченностью наших сил и нашего личного существования»⁶. По сути, именно ограниченность собственной жизни является для каждого индивида единственной фундаментальной «редкостью». Однако в микроэкономической теории она не учитывается в явном виде, косвенно отражаясь только в предпочтении настоящих благ будущим.

Усилению статичности теоретических конструкций «основного течения» способствовала и концентрация внимания ученых на выборе как основном проявлении активности субъектов. Ведь выбор (или принятие решения) — это точечное во времени и пространстве явление. Из всех видов хозяйственной активности субъектов экономисты-теоретики остановили внимание на выборе не случайно. Во-первых, это наиболее индивидуалистичный вид активности. Известная теорема Эрроу подтверждает возможность нетранзитивности предпочтений при групповом выборе, даже если каждый ее член осуществляет выбор вполне рационально, транзитивно. Поэтому, взяв мировоззренческий ориентир на индивида, трудно не взять методологический ориентир на выбор.

Во-вторых, реальное развитие индивидуального начала в хозяйствовании связано с развитием рыночных связей между экономическими субъектами, «реальными агентами», прежде всего самими людьми. А без возможности выбора партнера и необходимости его выбирать рынок немислим. Поэтому выбор выступает как наиболее фундаментальный, если не единственный вид экономической активности «реальных агентов». Возникает естественное желание рассмотреть эту активность «в чистом виде», простерилизовав⁷ рыночную реальность. В итоге получается «карта предпочтений» отдельно взятого субъекта, функция полезности и разветвленная мифология оптимизации.

Термин «мифология» здесь использован без негативного оттенка. Фактически любая научная система имеет мифологическое ядро, явное или неявное⁸. Его обнаружение отнюдь не дискредитирует соответствующую научную систему, но позволяет четче определить область ее применимости, «освободив» тем самым место для других теоретических систем.

Попробуем наметить область применимости теории, опирающейся на выбор индивида как фундаментальную отправную точку. Прежде всего выбор предполагает наличие ряда равно допустимых (хотя и не обязательно равно желательных) альтернатив. Иначе просто нет возможности выбора. Ведь нельзя говорить о жизни и смерти как равно допустимых альтернативах экономического выбора. Хотя бы потому, что выбор смерти — последний в жизни соответствующего субъекта, снимающий саму ситуацию выбора. В свою очередь, наличие ряда равно допустимых альтернатив предполагает определенный уровень материального богатства, достатка. Реальный выбор в мире реальных благ означает существование невыбранных благ, избыточных, «лишних». При этом сам выбор определяется не нуждой, а желаниями: «жить *так*» или «жить *иначе*». В частном случае — жить *лучше* или *хуже*, но о том, чтобы *жить*, — вопрос уже не стоит.

В итоге вырисовывается более или менее стройная *экономическая теория желаний* (или экономическая теория *богатства*, что то же самое). Ее естественная материальная основа — индустриальное производство, гипертрофированное развитие мате-

⁶ Туган-Барановский М. И. Социализм как положительное учение. Пг., 1918, С.133.

⁷ Coase R. Op. cit., P.719.

⁸ «Наука не рождается из мифа, но наука не существует без мифа, наука всегда мифологична» (Лосев А. Ф. Философия. Методология. Культура. М.: Политиздат, 1991, С.32).

риальных «потребительных сил» участников такого производства. Нет необходимости доказывать, что подобная экономическая теория неплохо соответствует реалиям экономической жизни западных обществ Нового времени. Хотя и здесь остается открытым вопрос о границах применимости «максимизаторского» подхода к описанию поведения экономических агентов, особенно крупных корпораций⁹.

Для сравнения (и использования в последующем изложении) проанализируем подходы к формированию теории, опирающейся на другой вид хозяйственной активности субъектов — поиск. В отличие от выбора эта активность: всегда носит динамический характер, протекает в реальном масштабе времени; сопровождается разнообразными издержками, абстрагироваться от которых вряд ли возможно; отличается высокой степенью неопределенности результата и весьма «размытой» рациональностью самого процесса. При этом спонтанность, недетерминированность самой активности, проявляемой субъектом в процессе поиска («малая неопределенность»), естественно корреспондирует с неопределенностью внешней среды, в которой этот поиск осуществляется («большой неопределенностью»), а индивидуальная активность поиска не имеет явных преимуществ перед групповой¹⁰. Поисковая деятельность человека имеет родословную явно животного происхождения, доминирует в хозяйственной активности первобытных кочевых общин и в разнообразных формах присутствует в современной экономической жизни. В частности, без нее немыслим процесс инноваций, не вписывающийся в теоретические рамки «основного течения».

Сама поисковая активность в хозяйственной жизни инициируется нехваткой («дефицитом») или угрозой нехватки тех или иных благ, необходимых для продолжения жизни субъектов или общностей, членами которых они являются. Поэтому теорию, опирающуюся на этот вид активности, будь она создана, можно было бы назвать *экономической теорией нужды* (или *экономической теорией бедности*, если учесть низкий уровень жизни тех сообществ, где доминирует поисковая хозяйственная активность). Хотелось бы обратить внимание, что это была бы иная теория, чем теория экономики дефицита, в которой делается попытка проанализировать реальность экономики бедности, нужды с помощью познавательных средств экономической теории богатства, желаний¹¹.

Поскольку поиск и выбор — не сводимые друг к другу виды хозяйственной активности людей, основанные на них экономические теории также не могут быть взаимозаменяемыми. Вряд ли они оказались бы и взаимодополняющими, поскольку хозяйственная активность не исчерпывается выбором и поиском. Можно, например, назвать такие традиционные виды экономической активности, как потребление и производство. Причем выбор естественно связан с потреблением, а поиск столь же естественно трансформируется в производство. Уже поэтому теория фирмы, опирающаяся на выбор, обречена на неадекватность метода рассмотрения его предмету. Реальный *потребитель*, физическое лицо, действительно ограничено сроком своего существования и при определенной системе ценностей («после нас — хоть потоп!») может стремиться выбрать для себя из возможного *«по максимуму»*. *Фирма* же, особенно в корпоративной форме, потенциально *бессмертна*¹², но бессмертна именно *потенциально*. Поэтому

---

⁹ «Первостепенная цель — выживание в долгосрочном аспекте, а к выбору плановых показателей подходят, прежде всего, с точки зрения их достижимости, а уж только потом — максимизации» (Мерсер Д. ИБМ: управление в самой преуспевающей корпорации мира. М.: Прогресс, 1991, С.436; см. также Саймон Г. Методологические основания экономики. Системные исследования. Ежегодник. Методологические проблемы. 1989—1990. М.: Наука, 1991).

¹⁰ «Истина познается сообща человеческим родом, здесь существует естественный и неустранимый коммунизм» (Булгаков С.Н. Религия человекобожества у Фейербаха. М.: Свободная совесть, 1906, С.63).

¹¹ См., например, Корнаи Я. Дефицит. М.: Наука, 1990.

¹² «Конечно, корпорации могут терпеть банкротство или распускаться, но по логике вещей такие

объективно она озабочена *поиском* возможностей продолжения существования, *выживания*. В то же время теория, опирающаяся на поиск, имеет шанс оказаться нечувствительной к проблемам потребления, быть односторонне ориентированной на «производство ради производства».

По сути, структура реальной деятельности хозяйствующих субъектов еще не стала объектом специального изучения экономистов-методологов в аспекте возможностей генерирования и согласования разнообразных специальных экономических теорий. Имеется лишь указание на потенциальную плодотворность такого изучения¹³.

Вряд ли можно надеяться на создание некоей общей экономической теории, опирающейся на понятие деятельности как таковой и при этом отвечающей позитивистским стандартам научности. Понятие деятельности богато по содержанию и изменчиво. Однако не исключена возможность формирования общего понимания, претендующего на объективность.

Итак, усилия теоретиков «основного течения», ориентированные на реальных агентов-индивидов и их способность выбирать из уже имеющихся альтернатив, позволили перевести сверхчувственную предметность товаров как меновых ценностей в сферу чистых условностей. Но одновременно элементы сверхчувственности или чего-то близкого к ней нарастали в рамках предметности товаров как потребительских ценностей. К обычным предметам, вещам добавились услуги, затем информация, то есть нечто такое, что не является чувственно воспринимаемым предметом. Перечень ограниченных экономических ресурсов пополнился такими, например, экзотическими «вещами», как электромагнитные поля определенных частот, орбитальные траектории, особенно стационарные, способности индивидов к предпринимательской деятельности. Объектами рыночных сделок наряду с предметами самой разнообразной природы стали и события — процессы непредсказуемые. Таковы, например, фьючерсные сделки, сделки страхования. Бурное развитие получил рынок, на котором товаром являются права пользования разнообразными ресурсами без потери прав собственности основного агента.

Именно такого типа отношения вновь заставили вернуться к проблеме «метафизических агентов», казалось бы, успешно удаленных из экономической теории вместе с институтами средневекового общества. В отличие от одномоментных актов купли-продажи, свойственных обмену, арендно-рентные отношения, через которые и осуществляется перемещение прав пользования без перемещения прав собственности, всегда имеют более или менее определенную привязку к обычному физическому времени. На это время «атомы-агенты» теряют часть своей активности в рамках «молекул», которые и превращаются в что-то вроде «метафизических агентов», существующих уже независимо от «реальных агентов» и даже в чем-то диктующих их поведение.

Проиллюстрировать это можно на примере долгосрочной аренды. Например, если два «реальных агента» заключили на 99 лет договор аренды участка земли на определенных условиях, то со временем уйдут в могилу оба агента, но их наследникам, правопреемникам придется отвечать по обязательствам, принятым предшественниками. Получается, что решения принимают одни, а ответственность за их выполнение несут другие. И что хуже всего — спросить уже не с кого. Этот пример может показаться утрированным, ведь в реальности права пользования передаются обычно на меньший срок. Но дело не в количестве лет (месяцев, дней), а в качестве связи арендного типа. Ведь с течением времени меняются и сами «реальные агенты», а арендные обязательства остаются прежними. Все равно хозяйствующие субъекты оказываются

явления преходящи: просто меняются акционеры, а корпорация может существовать вечно» (Хириси Окумура. Корпоративный капитал в Японии. М.: Мысль, 1986, С.177).

¹³ Ананьин О. И. Экономическая теория: кризис парадигм и судьба научного сообщества. М.: ИЭ РАН, 1992, С.22—26.

связанными ранее принятыми решениями. Сам «реальный агент», взятый вместе со своим прошлым, то есть уже чем-то чувственно не воспринимаемым, сверхчувственным, становится для себя «метафизическим агентом». Иначе говоря, двойственность, вроде бы изгнанная из мира внешних предметов, сохраняется в самих «реальных агентах».

Эту двойственность агентов, живущих в реальном времени, описал Ф. Хайек, применив те же термины «абстрактное» и «конкретное»¹⁴, что и К. Маркс, несмотря на всю свою оппозиционность этому теоретику и приверженность «основному течению». Противопоставляя «конкретные цели» и «абстрактные правила» поведения экономических агентов, Ф. Хайек возвращает теоретическую мысль к временам двухвековой давности. Разница, и существенная, в том, что если раньше чувственное и сверхчувственное противопоставлялось в мире внешних вещей, то теперь в предметный мир экономистов попали и сами хозяйствующие субъекты. Понятно, что теоретический инструментарий «основного течения» здесь уже ничем помочь не может и без обращения к иной технике мышления не обойтись, если есть желание двигаться дальше.

Подходы к выработке такой техники (ее экспериментального образца, если так можно выразиться) служат предметом дальнейшего рассмотрения. Хотелось бы сразу предупредить читателя-экономиста, что от него потребуется некоторое интеллектуальное усилие, чтобы попытаться абстрагироваться от наработанных приемов мышления, будь то неоклассические или марксистские.

Мостиком к предлагаемой технике мышления являются высказывания Ф. Хайека о том, что циклические самоподдерживающиеся процессы, известные из самых разнообразных сфер бытия, представляют собой что-то вроде обычных материальных объектов, предметов¹⁵. Попробуем представить себе простейший циклический процесс Q , состоящий из пары обычных линейных процессов (P^1 и P^2) противоположной направленности. ($\dots \rightarrow P^1 \rightarrow P^2 \rightarrow P^1 \rightarrow \dots = P^1 \leftrightarrow P^2 = Q$). Каждый из таких процессов представляет собой комплекс изменений, одновременно происходящих с разнообразными предметами при определенных условиях C (предметных и иных). Предположим для определенности, что одни предметы (r) при этом появляются, а другие (u) — исчезают. При указанных предположениях циклический процесс можно представить в графической форме (см. рис. 1).

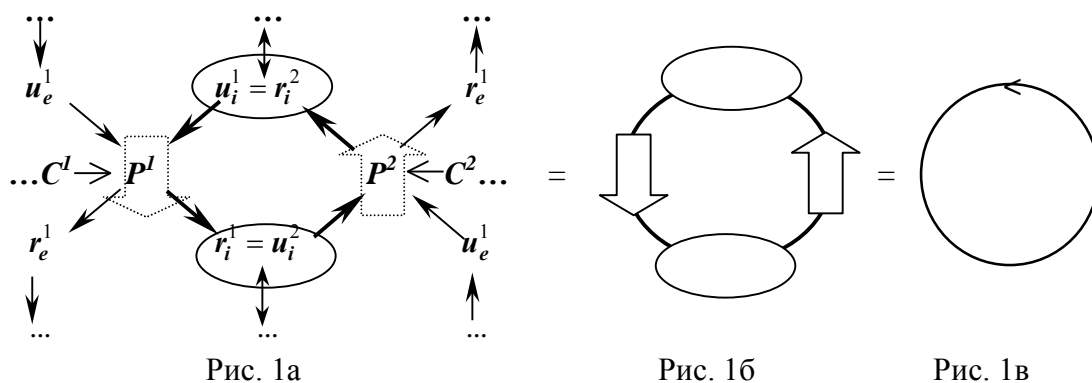

Рис. 1а

Рис. 1б

Рис. 1в

Примеры таких или аналогичных циклических процессов-предметов¹⁶ можно

¹⁴ Хайек Ф. Цит. соч., С.57.

¹⁵ «С ходом времени появляется нечто новое, ранее не существовавшее: самоподдерживающиеся структуры, представленные до какого-то момента лишь определенными материальными воплощениями, обретают самостоятельное бытие, сохраняясь во времени в самых разнообразных манифестациях. ...Появившись однажды, подобная модель становится такой же составляющей мирового порядка, как и любой материальный объект» (Хайек Ф. Цит. соч., С.256—257).

¹⁶ Их также можно назвать динамическими предметами в противоположность статическим, которые разложимы на элементы, обладающие самостоятельным существованием.

встретить где угодно. Начиная с обычного механического вращения физических тел и цепных ядерных реакций через химические реакции горения, биологические процессы обмена веществ индивидов и воспроизводства видов до привычного для экономистов цикла воспроизводства, включающего в качестве естественных компонентов, фаз процессы производства и потребления различных внешних предметов, благ. Список можно продолжить почти до бесконечности¹⁷.

Назовем некоторые имманентные свойства таких предметов, то есть те, что «следуют» из их конструкции и не зависят от субстрата, в котором она реализуется. Прежде всего, свойство *элементарности*, неразложимости на «части», способные существовать сами по себе, самостоятельно. Это свойство выделяет предметы-циклы из мира иных материальных предметов, которые считаются неуничтожимыми даже очень крупным мыслителем современности¹⁸. Для исчезновения предмета-цикла, представленного на рис. 1, достаточно изменения любого из условий *C*, выходящего за границу допустимых значений, либо исчерпания любого из внешних потребляемых предметов *и_e*. В первом случае исчезновение предмета произойдет по внешней причине, во втором — как результат самого его существования, периодического уничтожения, преобразования внешних предметов.

Периодическая повторяемость каждого дискретного линейного процесса является естественной основой для *количественных изменений* и *потоков*, и *запасов* (как производимых, так и потребляемых) во времени, введения интенсивности как количественной характеристики существования предмета-цикла (в марксистской экономической теории неизменной интенсивности соответствует понятие простого воспроизводства, а повышающейся — расширенного, в «основном течении» внимание уделяется преимущественно состояниям с неизменной интенсивностью). Можно также говорить о степени сбалансированности потоков, согласованности интенсивностей линейных процессов.

Далее необходимо отметить двухуровневый характер предметности как наиболее важную *качественную особенность* предметов-циклов. При этом верхний уровень представляет собой замкнутую последовательность процессов, нижний уровень — предметы, изменения которых и образуют линейные процессы, составляющие цикл. Соответственно конкретизируются традиционные методологические категории «конкретное» и «абстрактное». Конкретное как единство многообразного¹⁹ (и даже противоположностей, учитывая противоположную направленность линейных процессов P^1 и P^2) характеризует верхний уровень предметности цикла. Оно «складывается» во времени из абстрактных, то есть частичных, односторонних линейных процессов, существующих виртуально — то как действительность, то как возможность. Точнее, каждый такой процесс носит двойственный характер — он конкретен, поскольку каждый раз связывает действительные изменения конкретных предметов нижнего уровня, и абстрактен, поскольку представляет собой совершенно не самостоятельную «часть» целого. Поэтому в рамках марксовской картины экономической реальности следовало бы говорить о двойственном характере не только труда (процесса производства), но и потребления и очень осторожно подходить к количественной характеристике абстрактной стороны процессов. А в рамках хайековой картины экономической реальности «конкретные цели» существуют на уровне предметности нижнего уровня, а «абстрактные

¹⁷ «Идея эволюции ни в коей мере не ограничивается живыми организмами; скорее эволюция начинается в каком-то смысле уже на уровне атомов, образующихся из элементарных частиц» (Хайек Ф. Цит. соч., С.50).

¹⁸ «В сущности, мы не можем разрушить всю совокупность его (физического тела) свойств и всех взаимных связей его частей, даже если разобьем его вдребезги или сожжем» (Поппер К. Нищета историцизма.—Вопросы философии, 1992, № 9, С.34).

¹⁹ Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

правила» обслуживают существование «расширенного порядка», воспроизводство цивилизации.

Рис. 1 хорошо иллюстрирует разницу между *конкретно всеобщим* (и одновременно *единичным*), каковым является предмет верхнего уровня и *абстрактно общим*, каковыми служат *свойства*, одинаково присущие разнообразным единичным предметам нижнего уровня и позволяющие отнести их к различным множествам (u_e^1, u_i^1 и т. д.), статическим предметам-массам.

Здесь же следует отметить взаимную независимость существования предметов разного уровня одного и того же цикла, *их взаимное отчуждение*. Например, для существования предмета Q не имеет значения, какой именно предмет типа u_e^1 или u_i^1 будет вовлечен в процесс P^1 в момент времени t^0 . Лишь бы он был, лишь бы по некоторым («абстрактным») параметрам вписывался в «стандарт». Точно так же для любого предмета нижнего уровня существование цикла есть что-то «потустороннее», внешнее, случайное. Причем это относится и к предметам, производимым и потребляемым в рамках самого цикла (на рис. 1а предметы с индексом i). Конечно, появлением и/или исчезновением предметы нижнего уровня связаны с предметом верхнего уровня, но и только. Это лишь граничные (то есть экзистентные, от лат. *existo* — существую) изменения любого предмета. Само же существование, жизнь предмета нижнего уровня, как и любого предмета, его количественные и качественные изменения, перемещения, вообще говоря, происходят независимо от существования предмета верхнего уровня. Более того, у воспроизводимых предметов нижнего уровня (каждого в отдельности) есть шанс «выпасть» из цикла, «потеряться» (на рис. 1а эта возможность обозначена многоточием у запасов с индексом i).

Поскольку для существования предмета верхнего уровня необходимы периодическое осуществление каждого линейного процесса и наличие массы предметов нижнего уровня, уже на этом уровне абстракции можно выделить *функциональные* потребности и *предметные* потребности функционирования целого, поддержания существования цикла. И те, и другие потребности постоянно воспроизводятся по мере осуществления каждого линейного процесса. Например, при реализации процесса P^1 потребляется запас предметов u_i^1 , что воспроизводит потребность в процессе P^2 , пополняющем этот запас.

Я не буду останавливаться на возможных применениях описываемого аппарата для характеристики разнообразных экономических потребностей. Отмечу только довольно естественный способ разведения таких близких и часто смешиваемых категорий, как потребности и интересы²⁰. Потребности относятся к предметам нижнего уровня, их наличию и возможным изменениям, а интересы — к предметам верхнего уровня, к их возможным изменениям и прежде всего — их исчезновению. Интерес самосохранения — это интерес «номер один» для любого цикла. Поскольку исчезновение — не единственно возможное изменение предмета верхнего уровня (следуя Аристотелю²¹, можно было бы к нему добавить количественные и качественные изменения, а также перемещения), постольку выстраивается достаточно самостоятельная система интересов, не привязанная непосредственно к потребностям, особенно предметным.

Так как цикл является предметом, он, в свою очередь, может выполнять функции предмета нижнего уровня другого циклического процесса. И наоборот, предмет нижнего уровня может быть циклическим процессом со своим нижним предметным

²⁰ См., например, Анчишкин А. Н. Наука — техника — экономика. М.: Экономика, 1986, С.39: «В конкретных общественных условиях эти потребности трансформируются в систему экономических интересов»; Политическая экономия. Учебник для вузов. М.: Политиздат, 1988, С.84: «В сфере общественных отношений потребности людей приобретают форму экономических интересов и стимулов».

²¹ Аристотель. О возникновении и исчезновении. Соч. М.: Мысль, 1981, Т.3.

уровнем. Иначе говоря, возможны иерархии динамических предметов. Хотелось бы обратить внимание, что речь идет не об умозраительных иерархиях, а о конечных, эмпирически наблюдаемых и инвариантных к методам наблюдения. Например, факт исчезновения некоего предмета из множества u_e^1 будет одинаково зафиксирован в любой системе координат, если предмет в ней наблюдается. Иначе говоря, все, что до сих пор говорилось о свойствах предметов-циклов, остается в пределах традиционной науки, объективного знания, поддающегося стандартной проверке. Очень скоро нам придется выйти за эти пределы.

Наконец, последнее здесь по месту, но отнюдь не по значению, — свойство самоподдержания, хотя бы частичного самосохранения (но и самоуничтожения, истощения внешней среды, если в линейных процессах предметы нижнего уровня уничтожаются и не воспроизводятся самим циклом). Речь идет об активности цикла как предмета верхнего уровня при относительной пассивности предметов нижнего уровня. Можно сказать, что с точки зрения экзистентных изменений (предметов) между предметами разных уровней складываются отношения господства и подчинения, то есть эксплуатации, не привнося в этот термин негативного оттенка, свойственного одной из конкретных реализации рассматриваемой структуры.

Теперь нам придется перейти из сферы поверяемого знания в сферу, где возможно лишь понимание, принимаемое или не принимаемое. Иначе говоря, в сферу мифологии. Свойство активности предмета-цикла замечательно тем, что позволяет естественно перейти к мифологии самого общего, предельного уровня, порядка, масштаба (трудно подобрать подходящее слово). Речь идет о том, что Б. Спиноза назвал *causa sui* — самопричиной и атрибутом материи как субстанции. В иной мифологической системе этот же атрибут может быть приписан Богу или иному обозначению «всеобщего начала», по определению несотворимого и неуничтожимого.

Здесь следует уточнить позицию автора. Она относится к семейству «мифологий» западного типа, в которых четко выделяются в качестве границ единичный и всеобщий уровни и так или иначе описываются промежуточные особенные уровни (*E — O — B*). При этом реальным отправной пункт — отдельно взятый человек (на латыни — индивид, на греческом — атом), который и выступает как прообраз «единичного» вообще, способного к самостоятельному, активному существованию (именно поэтому атомы Эпикура были наделены немислимой для физики способностью самостоятельно изменять траекторию своего движения²²).

Сложнее со «всеобщим». Статичная субъектно-предикатная форма языков (во всяком случае, западных) не позволяет адекватно описать в словесной форме этот таинственный уровень. Видимо, понимание именно этого обстоятельства отражено в обычае многих религий не упоминать Его имени или хотя бы не делать это всуе, как гласит одна из первых заповедей Ветхого Завета. Динамика вообще лучше передается не в словесной, а в образной форме²³, особенно в действии (например, ритмическом ритуальном, если оно выполняется ревностно).

Здесь не будет попыток изобразить или описать «всеобщее». Единственное свойство, приписываемое ему (и только ему), — свойство несотворимости и неуничтожимости. Из единственности этого свойства следует абсолютная изменчивость (причем самоизменчивость) всех форм существования «всеобщего», «большая неопределенность», «абсолютное движение становления» (и т. п. характеристики). Из уникальности этого свойства — «совершенство всеобщего», так как любые определенные предметы, будь то статические или динамические, и вообще любые определенные образования (например, поля) преходящи, *несовершенны*, даже если обладают активностью, спо-

²² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., Т.40, С.173.

²³ Один из таких классических образов — змея, кусающая себя за хвост (ее стилизованным изображением и является рис. 1в).

способностью вносить изменения. Очень важно, что несовершенство может изменяться и измеряться по вполне объективным критериям: самосохранения и самоизменения.

Поскольку любой цикл частично является причиной самого себя (не своего возникновения, а продолжения существования), постольку о нем тоже можно говорить как о субстанции, о чем-то родственном (причастном) материи. Богу... Другими словами, материальность (или божественность) цикла, его «всеобщность» определяется не его предметностью, вещностью (тварностью), подверженностью внешним воздействиям, а его самопродолжением, самоизменением.

Как уже отмечалось, соотношение самосохранения и самоизменения задает естественную шкалу для измерения степени несовершенства различных образований, предметов. Если предмет абсолютно стабилен, не обладает способностью к самоизменениям, то он просто не подлежит соизмерению по степени несовершенства (таков, видимо, протон, несмотря на недавнюю попытку предположить его нестабильность). Если самоизменение непосредственно является самоисчезновением, то можно говорить о нулевой степени совершенства (таковы, например, атомы радиоактивных изотопов). Если же самоизменение не только не ведет к самоисчезновению, но и способствует самосохранению, то можно говорить о весьма высокой степени совершенства. Таковы, например, биологические виды, которые по этой причине заслуживают особого внимания.

С точки зрения предлагаемого здесь подхода биологический вид можно охарактеризовать следующим образом. Прежде всего, вид — это динамический предмет, цикл, в котором предметы обоих уровней обладают свойством самосохранения. На верхнем уровне самосохранение обеспечивается сменяемостью процессов роста (и развития) отдельных индивидов (P^1) и появления на их основе новых индивидов (P^2). На нижнем уровне самосохранение каждого индивида в отдельности обеспечивается циклическим процессом обмена веществ с внешней средой, состоящим из пары линейных процессов — присвоения (P^1) и выделения (P^2) предметов. Можно сказать, что любой вид — это иерархический динамический предмет, включающий не менее трех предметных уровней, из которых два — предметы-циклы.

Далее. Качественная специфика процесса появления новых предметов состоит в его заведомо неполной определенности (благодаря мутациям). Эта спонтанная изменчивость цикла («малая неопределенность»), с одной стороны, способствует самосохранению вида, позволяет ему в какой-то мере приспособливаться к спонтанным изменениям внешних условий («большой неопределенности»), с другой стороны — ведет к появлению и заведомо нежизнеспособных индивидов. Поэтому количественная специфика этого процесса состоит в тенденции к расширенному воспроизводству индивидов, что неизбежно ведет к дефицитности определенных условий их существования, антагонизму («или — или») и, следовательно, горизонтальному (внутриуровневому) отчуждению. «Естественная» смертность индивидов (от «износа») представляет собой лишь одно из эволюционных приспособлений к ограниченности ресурсов и только ускоряет обновление поколений, не решая проблему горизонтального отчуждения индивидов (к тому же новое не всегда лучше старого). Сказанное, конечно, не исключает возможности взаимно полезной кооперации активности индивидов (в том числе межвидовой). Однако такая кооперация возможна, а конкуренция — неизбежна, так как индивиды с однотипными предметными потребностями нуждаются в одних и тех же внешних вещах. Уже здесь начинает работать хорошо известный нам механизм распределения — очередь: первый — *выбирает*, последнему — что осталось или ничего с последующим переходом либо к летальному исходу, либо к ожиданию, либо к *поиску*, если есть способности активно *перемещаться*. Последнее как раз и отличает животных. Причем принципиально важной особенностью поиска является также неполная определенность этого процесса, сочетание в нем направленных, «запрограммированных», стереотипных действий и их последовательностей и ненаправленных, спонтан-

ных, «эвристических».

Разумеется, механическое перемещение в пространстве — простейший вид поисковой активности индивидов (но и универсальный, что доказала практика воспитания нормальными людьми слепоглохих детей). Сам индивид при этом действует как вещь среди вещей, взаимодействуя с ними самым чувственным образом. В этой сфере возникает специфический (локальный) критерий совершенства — по степени соответствия отражения индивидом внешней среды характеру взаимодействия с ней²⁴, напоминающий «закон соответствия» между производительными силами и производственными отношениями (может быть, это не просто аналогия, а разные этапы функционирования еще одного цикла — цикла совершенствования предметной формы существования «всеобщего?»).

Вернемся теперь к межуровневому, «вертикальному» отчуждению. Поскольку изменчивость вида обеспечивается надиндивидуально (в процессе появления новых индивидов), собственная активность индивида направлена на самосохранение. Вид как что-то чувственно воспринимаемое для него не существует (это «сверхчувственная» предметность), а внешние предметы (и процессы) — потенциальные средства удовлетворения его потребностей. Именно эта стандартная биологическая ситуация на первых страницах Ветхого Завета представлена как предпосланная свыше человеческая. В паре «присвоение — выделение» утилитарную ценность для индивида представляет только первый процесс. Именно он становится и предметом профессионального внимания экономистов самых разнообразных школ²⁵. Правда, в «Капитале» К. Маркс в главе о труде упоминает о контролируемом обмене веществ с природой²⁶, но в центре и его внимания как экономиста остается линейный (абстрактный) процесс присвоения. Конечно, и экономисты не обходятся без рассмотрения циклических процессов и, прежде всего, «производства — потребления материальных благ», именуемого в экономической теории воспроизводством. Нетрудно, однако, видеть, что этот цикл представляет собой лишь расщепление на взаимосвязанные фазы линейного процесса присвоения, действует только в рамках самого нижнего уровня предметности (описывая «историю жизни» внешних вещей) и далеко не исчерпывает разнообразия реальных циклических процессов, так или иначе проявляющихся и в экономической жизни. К этому мы еще вернемся, а пока продолжим рассмотрение специфики вида как циклического предмета.

Изменчивость индивидов в процессе их появления порождает, как ни странно, и устойчивую тенденцию к понижению степени совершенства отдельных видов за счет

---

²⁴ Простейшая форма двигательной активности (одноклеточных), определяемая связями с вещной средой, сопровождается отражением лишь отдельных свойств внешних предметов; деятельность (позвоночных), связанная с соотношениями внешних предметов, сопровождается отражением вещей, но не их связей; наиболее сложная деятельность (приматов), связанная с собственным участием в механических изменениях внешних предметов, сопровождается отражением связей вещей, их изменений, но не самих себя как их действительной причины (Леонтьев А. И. Проблемы развития психики. М.: Изд-во МГУ, 1981, С.262). «Таким образом, развитие форм психического отражения является по отношению к развитию строения деятельности животных как бы сдвинутым на одну ступень вниз, так что между ними никогда не бывает прямого соответствия. Точнее говоря, это соответствие может существовать лишь как момент, обозначающий собой переход в развитии на следующую, высшую ступень. Уничтожение указанного несоответствия путем возникновения новой формы отражения раскрывает новые возможности деятельности, которая приобретает еще более высокое строение, в результате чего вновь возникает несоответствие и противоречие между ними, но теперь уже на новом уровне» (там же, С.263).

²⁵ «*Всякое производство есть присвоение индивидом предметов природы* в рамках определенной формы общества и посредством ее (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., Т.46, ч.1, С.23). Экономика — наука, «изучающая, как люди *выбирают* способ использования ограниченных ресурсов, имеющих альтернативное применение, для производства различных благ и их распределения для текущего и будущего *потребления* различных лиц и общественных групп» (Samuelson P., Nordhaus W. Economics, 12-th ed. N. Y., 1988, P.4, курсив мой. — Л. Г.).

²⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., Т.23, С.188.

повышения степени совершенства соответствующих индивидов. Вряд ли надо здесь доказывать, что спонтанная изменчивость может приводить к появлению как более простых, так и более сложных индивидов. Чем проще индивиды, тем короче срок их полного формирования (роста и развития — процесса P'), тем чаще происходят обновления, тем пластичнее вид, тем больше шансы его приспособиться, выжить. Таким же эмпирическим фактом является возрастающая смертность видов по мере совершенствования индивидов. Ведь чем совершеннее индивид (по упоминавшемуся локальному критерию совершенства), тем он сложнее, тем дольше формируется и затем существует, тем реже и в меньшем диапазоне происходит обновление вида, дольше его реакции на дефицитность ограничений и одновременно сильнее влияние процесса «выделения» на изменение условий существования. Наиболее полно эта тенденция воплощена в жизни вида *homo sapiens*. Человек, даже первобытный, обладает такой активностью на уровне индивидов, что уже не раз подходил к опасной черте самоисчезновения как вид. Можно даже сказать, что человек — выродившийся вид, поскольку механизм надиндивидуальной изменчивости если и не прекратил действия, то уже не может компенсировать активность на уровне индивидов. Можно также отметить, что человек как вид «особого рода», как качественно новый предмет еще не вполне сформировался, не обрел адекватную степень совершенства по критерию использования самоизменения для самосохранения.

Ведь в данном случае процессы самоизменения и самосохранения оказываются разнесенными на разные уровни предметности, характеризующиеся взаимным отчуждением «по построению». Об этом уже говорилось выше. Поэтому единственный путь хотя бы восстановления степени совершенства, уже достигнутой на биологическом уровне динамической предметности, лежит через полное развитие спонтанной изменчивости на индивидуальном уровне и снятие взаимного отчуждения индивидного и видового уровней существования *homo sapiens*. Короче: свободное развитие каждого индивида есть средство самосохранения вида. Это не утопия и не благое пожелание, а, если угодно, императив выживания. Или человек (человечество) устроит в конце концов свою жизнь по-человечески, а не по-животному, или очень рискует исчезнуть. Разумеется, способ такого «устроения» не может быть изначально человеческим, то есть осознанным, пусть даже частично. Изначально он мог быть только таким же, как и в мире биологических предметов, но в отношениях между социальными организмами и, прежде всего родовыми общинами.

Очень важная особенность родовой общины, позволяющая уже в ее рамках людям жить по-человечески, состоит в отсутствии отчуждения — как горизонтального, так и частично вертикального. Первое обеспечивается совместным (уравнительным или по потребностям) присвоением средств существования, второе — естественной сменой поколений. Совместное присвоение как бы экранирует активность каждого индивида от обеспечения его существования, что способствует повышению степени его свободы²⁷.

Специфически человеческим является и новый тип динамической предметности, представляющей собой воспроизводство культуры как совокупности «абстрактных правил», регламентирующих участие индивидов в двух других циклических процессах — надиндивидуальном (видовом) и обмена веществ с природой. Эти «правила» опираются как на знаки, символы (особенно по отношению к сверхчувственной предметности вида), так и на действия (особенно по отношению к чувственной предметности внешней природы). Взаимо переходящую пару линейных процессов в воспроизводстве культуры

---

²⁷ Аналогичный экранирующий эффект имеет современное бюджетное финансирование фундаментальной науки и других форм неутилитарной деятельности. Возможные негативные последствия этого эффекта и в первобытном обществе, и сейчас частично нейтрализуются разнообразными (ритуальными, бюрократическими и т.п.) ограничениями активности (и пассивности) индивидов.

образуют применение «правил» действующими индивидами (P^1) и передача их наследникам «из души в душу», «из рук в руки» (P^2).

Но этим и ограничивается человеческое начало в родовой общине, поскольку она представляет собой коллективное животное, существующее отчужденно и «по горизонтали», и «по вертикали». От обычного животного, помимо внутреннего устройства этого организма, его отличает неопределенность срока существования, потенциальное бессмертие. Горизонтальная отчужденность порождает специфическое деление всех представителей вида на «мы» и «они», сохранившееся с первобытных времен до наших дней, пусть и в значительно ослабленном виде.

Такова исходная ситуация, которая сама по себе отнюдь не была «запрограммирована» на движение к светлomu будущему. И далеко не все первобытные общества сильно изменились за прошедшие тысячелетия. Но возможность изменений, вытекающая из спонтанной активности именно индивидов, была. И изменения такие происходили, причем в самых разных направлениях. Одно из них, оказавшееся «на магистрали», мы сейчас и опишем в «цикловой» системе координат.

Будем различать «верхнюю динамику», понимая под ней изменения в цикле воспроизводства вида (верхнем цикле), и «нижнюю динамику», понимая под ней изменения в цикле воспроизводства индивида (нижнем цикле). Можно сказать, что первобытная община была открытой по верхнему циклу, поскольку обязателен был обмен генофондом между родовыми общинами, и замкнутой по нижнему циклу, поскольку хозяйство общинами велось натуральное.

Что касается изменений, оказавшихся магистральными, то «верхняя динамика» характеризуется устойчивым сдвигом животного начала с общинного на индивидуальный уровень, начатым с переходом к оседлому образу жизни. В какой-то степени этот сдвиг можно характеризовать как регресс, продолживший уже описанную линию на вырождение видовой предметности. В данном случае регресс состоит в переходе от родовой общины как «коллективного животного» к соседской общине как «коллективному растению», обитающему в определенной «точке» поверхности Земли. Это фактическое закрепощение («самозакрепление», укрепление...) резко сократило пространственные возможности поисковой деятельности, сузило кругозор, зато способствовало переключению поисковой активности человека на самого себя, свои собственные возможности, о которых он часто даже не подозревает. Тенденция «одеревянения» надьиндивидуальных социальных организмов в наши дни проявляется в виде принципа незыблемости существующих государственных границ, как бы произвольны они ни были.

Регресс выражался и в том, что «сдвиг» животного начала на уровень индивидов волей-неволей деформировал, сокращал то человеческое начало, которое имелось в исходном пункте. Ведь по мере освобождения индивида от регламентации, которыми сопровождается совместное присвоение материальных благ, он неизбежно попадет в зависимость от собственных предметных потребностей. Можно сказать, что человек становится рабом своего желудка (*своего!*, но лишь *желудка*). Эта вещная самозависимость, самоэксплуатация («вертикальное равновесие» экономики Робинзона Крузо), самоотчуждение и становится основой вещной взаимной зависимости индивидов при их личной независимости.

Сам процесс сдвига растянулся не на одну тысячу лет. В нем можно выделить ряд крупных этапов, различающихся по степени проявления животного начала на уровне индивидов. Три таких этапа часто связываются с разными формами соседской общины (восточной, античной и германской) и соответствующими типами обществ (азиатского, античного рабовладельческого и феодального). Четвертый — сформированием «гражданского общества», сначала как внутригосударственной формы, а затем и надгосударственной. Существенно при этом то, что животное начало не только максимально близко спустилось к индивиду (семья как реликт исходного состояния еще держится, хотя продолжительность ее жизни стала меньше, чем у индивидов), но и об-

рело самостоятельное существование в виде надындивидуальных *хозяйственных* организмов, лишенных чувственной предметности²⁸. Совершенной формой такой предметности и является корпорация. Как и современный социальный надындивидуальный предмет — государство, такой хозяйственный предмет потенциально бессмертен, но в отличие от него способен к самым разнообразным перемещениям. Тем самым в гражданском обществе воспроизводятся оба свойства исходной общины — способность перемещаться и социальность, но порознь, как свойства разных институтов. Логичным завершением четвертого этапа было бы формирование мирового гражданского общества. Но, во-первых, до этого еще далеко и, во-вторых, фундаментальную проблему снятия отчуждения индивидного уровня от видового оно не решает. Реальная, а не только формальная, свобода индивида возможна лишь при отсутствии необходимости связывать его активность потребностями поддержания собственного существования.

А это, в свою очередь, обусловлено процессами, происходящими в рамках «нижней динамики». Самое интересное здесь для нас, экономистов, состоит в специфическом замыкании некоторых предметных воплощений процесса «выделения» на процесс «присвоения». Выше уже отмечалось особое пристрастие экономистов именно к присвоению (предметов внешней природы, производству благ для потребления индивидов). Специфический онтологический статус производимых орудий труда при этом обычно не фиксируется, особенно в «основном течении»²⁹. Между тем принципиальное отличие орудий труда от предметов потребления состоит в том, что их предметным прообразом является сам человек (как индивид, социальная группа, определенная культура), его способности вносить изменения в предметы и процессы внешнего мира. Часть этих способностей переносится на предметы (и процессы) внешнего мира, которые тем самым и становятся орудиями труда. Такой перенос свойств «человек → внешний предмет», или «овнешнение»³⁰ тоже представляет собой «выделение», точнее, его часть, специфичную только для человека.

В процессе «овнешнения» тоже можно выделить определенные стадии, которые в значительной степени зависят от «верхней динамики». Не будем подробно останавливаться на связях верхней и нижней динамики на этапах соседских общин. Отметим только, что развитие шло по пути приобщения кочевых общин к материальной культуре в малоподвижных «соседних» оседлых обществах с развитием новых ручных орудий и собственным «деревянением». Крупный качественный скачок в «нижней динамике» — индустриализация — был бы невозможен без предварительного формирования хотя бы зачатков гражданского общества, вновь обретенной свободы перемещения теперь уже на индивидуальном уровне и добавившейся к ней свободе контактов индивидов — «общественных животных». Первые капиталистические мануфактуры, по сути, представляли собой живые машины, собранные из различных взаимозаменяемых «деталей», «винтиков». Дальнейшее замещение живых «деталей» «мертвыми», вещественными — дело техники. Началось все с двигателей, передающих устройств, рабочих органов. Сейчас дело дошло до функций регулирования, управления внешними процессами. Вместе с этим формируется и материальная база освобождения индивидов от «рабства желудку».

Создание новых орудий труда — процесс, в котором именно сверхчувственная предметность культуры имеет решающее значение для появления чувственных предметов, используемых далее в «обычном порядке». Видимо, экономистам-теоретикам в конце концов придется преодолеть инстинктивную привязанность к чувственно вос-

²⁸ В соответствующем динамическом предмете $D \rightarrow T \rightarrow \dots P \dots \rightarrow T' \rightarrow D'$ средние члены могут иметь какой угодно вид или часто отсутствовать вообще.

²⁹ У К. Маркса есть высказывания о том, что орудия труда — раскрытая книга сущностных сил человека (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., Т.42, С.123).

³⁰ См. подробнее: Гребнев Л. С. Философия экономики. М.: Луч, 1991.

«Вопросы экономики» № 4 – 1993, С.145-159

принимаемым вещам, унаследованную от периода становления «гражданского общества» и закрепленную в соответствующих стандартах научности и перейти к более осознаным, человеческим формам работы со своим традиционным объектом исследования.